

Новая книга А. И. Немировского удачно сочетает черты этрускологического компендия (первого на русском языке пособия такого рода, находящегося на современном уровне развития дисциплины) и оригинального исследования, предлагающего новое решение ряда ключевых этрускологических проблем. В рецензии мы позволим себе сосредоточиться на собственно исследовательском аспекте работы, представляющем для нас наибольший интерес.

В главе I «Происхождение этрусков» автор выдвигает три основных тезиса, которые, как мы считаем, следует рассматривать и оценивать по отдельности. Первый из них, постулирующий западноанатолийское происхождение этрусков и их генетическую связь с народом «турша», участвовавшим в конце XIII — начале XII в. до н. э. в походах «народов моря», кажется наиболее бесспорным. В его пользу говорит сохранение архаичных реликтов раннеэтрuscoского языкового состояния в диалекте Лемноской стелы (VI в. до н. э.): ср. лемн. avi(s) «год» (косвенный падеж) при этр. avil(s); лемн. aomai «был» при этр. ame, amse (вообще этрусский знает чередование ai ~ a, ср. Cautha ~ Catha «бог солнца», lautni ~ latni «зависимый человек», но глагол-связка в диалектах Этрурии представлен лишь в форме с упрощением дифтонга). Мы полностью разделяем позицию автора в его полемике с М. Гра¹, видящим в лемноских тирренах этрусскую апойкию на востоке Эгеиды (с. 38—42). Свообразие графики и орфографических приемов Лемноской стелы (передача огубленного гласного знаком для <o> вместо этр. <u> и т. д.) заставило бы отнестись вывод этой апойкии к дописьменному периоду этрусской истории (по крайней мере к VIII в. до н. э.), для которого говорить о морской экспансии этрусков еще явно не приходится.

Очень важно и нетривиально указание автора на вероятность записи геродотовской («миграционной») версии происхождения этрусков (I, 94) уже после поселения историка в Фуриях (с. 43): думается, возможность видеть в пересказе Геродота отражение собственно этрусской традиции объяснила бы известное расхождение версий Геродота и Ксанфа (по Dion. Hal., I, 28), позволяя возвести обе версии к легенде о размежевании предков лидийцев и «турша»: по Геродоту, брат Лиды и сын Аттиса Тиррен уводит часть народа из Лидии; по Ксанфу, страна делится между детьми Аттиса Лидом и Торребом; потомки последнего до позднейшего времени живут рядом с лидийцами, говоря на близком диалекте. Еще Л. Парети видел истоки мифа об этрусском переселении в переключке имен тирренов (Τυρρηνοί, Τυρσηνοί, дор. Τυρσανοί), торребов (Τόρρηβοι, Τορρηβοί) и лидийско-греческого топонима Τύρρα² (возможно, из местного *Tursa- с адаптационным переходом -ρσ->-ρρ-, известным как в литературном аттическом, так и в эгео-дорийских диалектах; см. передачу имени тирсенов через Τυρρανοί в родосской надписи III в. до н. э.³). На наш взгляд, нет никаких помех к сближению этникона Τυρῆς с названием западнолидийской Тирры, учитывая, что рядом с «турша» в египетском тексте идут выходцы из Сагалассоса (šklš), карийцы (Krkš) и т. д. Формы Τυρσηνοί (Τυρσανοί) и Τορρηβοί легко интерпретируются как параллельные этникон-образования от Τύρρα (*Tursa), соответственно *Tursana и *Tursawa⁴. Хорошо обоснованная гипотеза Немировского об итальянских этрусках — информантах Геродота удачно объясняет эволюцию малоазийской легенды о расселении сыновей Аттиса: естественно, для мигрировавшей части племени уход с прародины (версия Геродота) мог стать событием, неизмеримо более значительным, чем для обитателей Западной Анатолии, где пребывание остатков этноса на прежних местах (под именем торребов — на континенте, тирренов — на близлежащих островах) могло сделать миграцию практически незаметной (версия Ксанфа). Что касается по-

¹ Gras M. La piraterie tyrrhénienne en mer Egée, mythe ou réalité.— In: L'Italie préromaine et la Rome républicaine. Roma, 1976, p. 241 suiv.

² Pareti L. Le origine etrusche. Firenze, 1920, p. 34.

³ Torelli M. Τυρρανοί — Parola del passato, 1975, 30, p. 417 sq.

⁴ Об анатолийских личных именах и топонимах на -wa (-uwa) см.: Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967, с. 104 сл., 149; Laroche E. Etudes sur les hiéroglyphes hittites.— Syria, 1958, 35, p. 267 (пары Hišarla; Hišarluwa, Zalpa: Zalpuwa: лид. ḫastarboš < Hastawa при кап. URU ḫastuwa и т. д.).

казанной М. Гра (и признаваемой Немировским) связующей рсди Лемноса в этрусской торговле VIII—VII вв. до н. э. с Анатолией и Урарту, то мы не видим причин, по которым бы эти связи не могли поддерживаться италийскими этрусками в первую очередь через посредство близкородственных в языковом отношении тирренов Эгиды (ср. этрусско-лидийские контакты в области письма⁵).

Вторым тезисом концепции А. И. Немировского является предположение о раннепурагической Сардинии как о возможном связующем звене между совместным походом народов «шарденов» и «турша» в Южное Средиземноморье (XIII—XII вв. до н. э.) и появлением этрусков в Италии (по принимаемой автором датировке — VIII в. до н. э.; мы склоняемся к датировке X—IX вв. до н. э.). Отправными точками гипотезы послужили, с одной стороны, знаменитые сардинские и южнокорсиканские изваяния воинов в вооружении «народов моря» (с. 54), а с другой — «этрускоидные» элементы в сардской топонимике (например, *Αἰσαρωνήσιος* — Ptol., 3, 3, 6), обоснованное М. Паллоттино сардское происхождение конструкции северозетрусских псевдокупольных гробниц и находки характерных сардских сакральных изображений корабликов в этрусских храмах и захоронениях (с. 59 сл.). Большое впечатление производит подборка античных свидетельств в пользу «сардской гипотезы» (с. 49—58): среди них — слова Гесиода о священных островах тирсенов (Theog. 1010); упоминание Страбона о тирренах, будто бы еще до Троянской войны владевших Сардинией (V, 2, 7), и объяснимый только как сардо-корсиканского контекста рассказ Дионисия Галикарнасского о тирренах — строителях башен (I, 26); сообщение Феста о самоназвании этрусских царей *Sardi*, с чем сопоставлен известный по олимпийской надписи договор Сибариса (единственного италийского союзника этрусков — Athen., XII, 519) о дружбе с «сердаями» (*Σερδαίος*). В запутанном пересказе древнесардской истории у Павсания (X, 17) выделяются три эпизода, представляющие интерес: двукратное прибытие войск из Ливии (во главе первого стоит эпоним Сард; второе войско, истребив почти все прежнее население, сливается с его остатками, принимая имя сардов); в промежутке появляются некие «троянцы», заселяющие область за р. Тирс (*Θύρσος*). А. И. Немировский остроумно связывает появление «сардов» из Ливии с попыткой «шарденов» и «турша» поддержать ливийцев в их наступлении на Египет (с. 51). Легенда о троянцах как об особой группе переселенцев, отличной от сардов-ливийцев, выросла, конечно, из народной этимологии древнего сардского этнонима *Ἰλιεῖς* или *Ἰολαεῖς*, давшего также толчок к возникновению мифа о прибытии в Сардинию друга Геракла — Иолая; но параллель *Τυρσηνοί* ~ *Θύρσος* небезынтересна (с учетом прочих данных). Двойное прибытие ливийцев — явное удвоение одного и того же мифо-легендарного мотива, вероятно, стимулированное хорошо прослеживаемыми в языке традиционными связями Сардинии с Северной Африкой⁶. Думается, есть определенные основания видеть в преданиях именно о «втором» ливийском завоевании и о «троянцах за Тирсом» отражение «турша-шарденской инвазии». «Сардская гипотеза», намечающая пути решения важнейших проблем этрусского этногенеза, подлежащая и поддающаяся проверке на сардском археологическом и лингвистическом материале, должна привлечь пристальное внимание этрускологов⁷. Посвященные ей страницы принадлежат к лучшим в рецензируемой книге, окончательная же ее оценка — дело будущего.

Наиболее спорным в развиваемой А. И. Немировским концепции этрусского этногенеза выглядит третий тезис, предполагающий предвосхищение тирренской волны в Италии более ранней волной легендарных пеласгов. На самом деле, суммированная автором обширная традиция о пеласагах и тирренах в Италии предлагает на выбор

⁵ *Buonamici G. Sull' origine del signo etrusco* 8. — SE, 1933, VII, p. 299 sq.

⁶ Об иолаях как об одном из «ливийских» сардских племен см. *Wagner M. La lingua sarda*. Bern, 1951, p. 8 sq.; о берберских элементах в сардском см. *Hubschmid J. Sardische Studien*. Bern, 1953, passim.

⁷ Историко-археологическую аргументацию автора можно было бы значительно дополнить указанием на теснейшие сардские связи архаической Этрурии VIII—VII вв. до н. э., заметные в различных отраслях ее производства: в изготовлении оружия и украшений, в керамике (характерные сосуды с носиками), в литье изображений из бронзы; см. еще оценку этих сходжений в кн.: *Pallottino M. La Sardegna puragica*. Roma, 1950, p. 39: «замечательная близость, если не сказать — общность форм выражения» (*comunanza di manifestazioni*), также с. 41, 60.

следующие альтернативы: 1) пеласги — первоначальное имя прибывших в Италию тирренов (Hell. frg. 1 — FHG, I); 2) тиррены — древнее имя пеласгов с Лесбоса, заселивших Италию (Myrs. frg. 2,3 — FHG, IV); 3) пеласги пришли с Балкан, тиррены же — покорившие их уроженцы Италии (Dion. Hal., I, 19—28); 4) пеласги и пришедшие из Анатолии тиррены — две разные группы переселенцев (Lycorhg., 1351—1365). Отметим еще версию Антиклида (5) по Strabo, V, 2, 4: герой Тирсен ведет в Италию пеласгов. Очевидно, что принимаемая автором версия в явном виде содержится лишь у Ликофрона, представляя рационалистическую попытку разрешить путаницу этнических имен, создавшуюся еще в Эгееде (предельно ярко это смешение выражено у Фукидида, IV, 109, который, считая тирренов пеласгами, безразлично локализует их и на тирренском Лемносе, и в пеласгской Аттике).

Следует признаться: мы не знаем, что может стоить за именем пеласгов в каждой из точек, к которым традиция привязывала это имя. Из того, что В. Георгиев и некоторые его последователи сочли удобным обозначить «пеласгским» догреческий индоевропейский слой в греческих диалектах, в фонетическом отношении близкий к диалектам Фракии, не следуют ни «индоевропеизм», ни «фракизм» пеласгов Аркадии, Италии и даже Крита, ибо неизвестно, ни где, ни когда эти заимствования попали в греческий⁸. Тем менее убеждают построения Лохнера-Хюттенбаха, постулирующего «илиризм» пеласгов при помощи разных косвенных соображений с произвольной элиминацией из ареала их расселения таких традиционных «пеласгских» областей, как Аркадия и Лемнос (тирренский Лемнос!). Идя в последнем пункте за Лохнером-Хюттенбахом, А. И. Немировский допускает в многочисленных геродотовских упоминаниях о пеласгах на Лемносе (IV, 145; V, 26; VI, 136—140, вплоть до именовании пеласгами позднейших лемносов) сознательную подмену пеласгами тирренов; но непонятно, как различать в этрусском этносе пеласгский и тирренский слои, если в исконных областях обитания тирренов этот народ мог для малоазийских греков выступать под именем пеласгов. Не рискуя предполагать в Πελασγοί самоназвания народов от Македонии до Крита и от Трои до Лация, мы склонны видеть в этом имени лишь древнейший термин, отразивший «от противного» складывание этнического самосознания греческих племен в период их расселения по Балканскому полуострову и Эгейским островам. Еще У. Лиф точно отметил приуроченность «пеласгской» топо- и этнонимии к тем областям, где на пути греков-переселенцев вставали, служа естественным рубежом, временные препятствия: отроги Олимпа (Пеласгиотида, «пеласгский» оракул в Додоне), Сперхейская долина (Пеласгический Аргос), Коринфский залив (пеласги в Аркадии) и горы, ограждающие «пеласгскую» Аттику. Пеласгское имя как бы шло вместе с расселяющимися греками, задерживаясь в местах их остановок⁹. Если даже исконно оно служило названием некоего племени, соседствовавшего с фессалийской прародиной греков (почему и предполагаемое Лифом древнее народно-этимологическое сближение с πέλας «рядом, около» не должно сбрасываться со счетов), то в ходе греческой миграции с севера на юг оно, очевидно, становится постоянным обозначением тесных и ассимилируемых греками

⁸ Резко контрастирует со взглядами школы Георгиева подход Л. А. Гиндина, давшего наиболее развернутое обоснование близости индоевропейского субстрата в греческом к фракийскому и в то же время относящегося к термину «пеласгский» как к чисто номинальному обозначению (*Gindin L. Le «pélasgique» et le thrace.* — In: *L'éthnogenèse des peuples balkaniques.* Sofia, 1971, p. 237 suiv.; *Гиндин Л. А. К проблеме генетической принадлежности «пеласгского» догреческого слоя.* — ВЯ, 1971, № 1, с. 44 слл.; особенно *он же.* Некоторые вопросы древнего балканского субстрата и адстрата. — В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 49 слл.).

⁹ Leaf W. Troy. A Study in Homeric Geography. L., 1912, p. 331 sq. Особую проблему, которой мы здесь не касаемся, представляет старая и не очень доказательная гипотеза о присутствии праэтрусских (тирсенских) элементов на Балканах; отметим лишь, что разгадка давно отмеченной переклички имени Тиндаридов-Диоскуров (Τυνδαρίδαι, Τινδαρίδαι) с этрусским гентилицием tinthur, собственно, «род (громовержца) Тина» (*Kretschmer P. Protoindogermanische Schicht.* — Glotta, 1925, XV, S. 309 f.; ср. этрусское именование Диоскуров в вотиве TLE, 156: tinas cliniaras «сыновей Тина (Gen.)») заключается, на наш взгляд, не в этой гипотезе, но, скорее, в теснейшей традиционной связи культа Диоскуров с историей дома микено-спартанских Пелопидов, считавшихся выходцами из Западной Анатолии.

мелких соседних племен. В отдельных случаях оно, вероятно, могло приобретать и более четкую этническую спецификацию: так, на Крите (по Od. XIX, 176 сл.) пеласги, давние балканские соседи греков, проникшие вместе с ними на остров, отличались от его исконных жителей (этеокритян).

У. Лиф не без основания рассматривал присутствие «пеласгов» в Троеде (по II, II, 840—843; X, 429) как свидетельство наличия архаичных греческих элементов в составе населения гомеровской Трои (мысль, позднее аргументированная на археологическом материале К. Блегеном и Д. Пейджем¹⁰). В таких условиях тирсены («турша»), обитавшие на ближайших к Троеде островах, а возможно, и на континенте, легко также становились для греков «пеласгами». Может быть, не случайно гомеровское «пеласское» имя Λῆρος (II, II, 840 sq.), по верному наблюдению А. И. Немировского (с. 27 сл.), представляющее единственную известную антропониимию параллель, к этрусскому личному имени *Lethe* (Ληθαῖος), четко привязано эпосом к Северо-Западной Анатолии. В таких условиях движение «народов моря», захватившее западноанатолийских «турша», могло отлиться в легенды, донесенные Геллаником и Мирсилом¹¹, о пеласагах-тирренах, ушедших в Италию; ср. версию Антиклида о Тирсене — предводителе пеласгов. Позднее под влиянием греческой трактовки пеласгов как древнейшего населения Греции могло произойти и некоторое «удревнение» италийских пеласгов в поздней литературе, превратившихся в мифический народ, ограниченный от реальных тирренов-этрусков (ср. Strabo, V, 2, 3 — легенда о занятии тирренами «пеласгской» Агиллы-Цере). Конечно, все сказанное — лишь гипотеза, альтернативная гипотезе А. И. Немировского, но сама затруднительность обоснованного выбора между ними заставляет последовательно отвлечься от пеласгской проблематики при решении проблем этнического становления этрусков (тем более что даже наличие определенных балканских элементов в этрусской ономастике гораздо легче объяснимо через тесное взаимовлияние диалектов Западной Анатолии и Северных Балкан).

В главе II «Этрусская эпиграфика и этрусский язык» автор наряду с общим обзором современного состояния этрусской филологии предлагает собственную комбинаторную интерпретацию отдельных лексем и словосочетаний. Особо отметим анализ выражений *cleva* (*etanal*) и *sal cluvenias* в этрусско-финикийской билингве из Пирги (с. 88 сл.); *sal* А. И. Немировский еще прежде совместно с А. И. Харсекиным¹² удачно идентифицировал с обозначением жертвы (финик. *zḥ*; ср. TLE, 359: *sal afrs naces*, скорее всего, «жертва предкам»¹³). Если М. Паллоттино уже давно предполагает, что «звезды» (этр. *puḷmch* = финик. *kkbm*), с которыми в тексте сравниваются годы святилища, на самом деле золотые plaquettes «годовых» гвоздей (*clavi annales*)¹⁴, по этрусско-римскому обычаю ежегодно забивавшихся в стену храма (Plin., NH, 33, 19; Liv., VII, 3, 8; IX, 28, 6), то Немировский допускает прямое отождествление этр. *cleva*: лат. *clavus* «гвоздь», при толковании глагольного имени *cluvenias* в смысле ритуального «забивания гвоздя» (нем. *Nagelung*). Нам кажется допустимым с учетом этимологии лат. *annus* «год» < *atnos (ср. гот. *aṥnam* «ἐνιαυτός»; атаṥна «ἐνιαυτός», умбр. *aspu*, оск. *akenei* с диссимилятивным переходом *tn-* > *cn-*¹⁵) предложить цельноформульное сближение этр. *cleva etanal* (в этрусском тексте В, не имеющем точного финикийского эквивалента) ~ лат. *clavus annalis* (resp. * *clavos atnalis*). Интересно привлечь для сравнения контекст из Загребской пелены VII, 11, где гла-

¹⁰ *Blegen C. W. Troy and the Trojans. N. Y., 1963, p. 145; Page D. L. History and the Homeric Iliad. Berkeley — Los Angeles, 1959, p. 56; ср. Malten L. Aineias. — Archiv für die Religionswissenschaft, 1934, 29, № 5, S. 38.*

¹¹ Мы предпочитаем доверять этим авторам, а не Ликофрону и Дионисию Галикарнасскому, из-за непосредственного знакомства первых с легендами Лесбоса и переключки их конструкций с геродотовскими словами о лемноских пеласагах.

¹² *Немировский А. И., Харсекин А. И. Этрусское sal и его возможные латинские дериваты. — В кн.: Этимология 1966. М., 1968, с. 281 сл.*

¹³ К семантике *afr* «отцы», «предки» см. *Pallottino M. Saggi di antichità, II. Roma 1979, p. 791 sq.*

¹⁴ *Pallottino M., Colonna G. Scavi nel santuario etrusco di Pyrgi. — Archeologia classica, 1964, XVI, p. 56.*

¹⁵ *Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. 4-me éd. P., 1979, p. 35.*

гольная (императивная?) форма *cleventh* соединена с модальным оборотом *enas usil' seḡine* («как солище с.»). *Seḡine* — глагольная форма от *seḡi* «воздвигать, ставить», обычно в строительных надписях, и сочетание сакрального акта *clevan-* (в *cluvenias* — явно вариант этой же основы, ср. параллелизм «умлаутных» форм *thamuce ~ themiaša* в тех же текстах из Пирги) с «воздвиганием» (восхождением?) солнца подкрепляет позиционный изоморфизм этр. *sal cluvenias* и финик. *zbḥ šmš* «жертвоприношение солнцу» в тексте из Пирги. Парадоксальным следствием предложенной этимологии является то, что в случае ее принятия обозначение ритуала «годового гвоздя», традиционно считающегося одним из проявлений этрусского влияния на латинскую обрядность, в самом этрусском приходится трактовать как раннее италийское заимствование¹⁶.

В комментарии к надписи на тессере из Рима начала VI в. до н. э. («эпоха Сервия Туллия») *agaz silqetenas spurianas* (с. 94 сл.; словораздел М. Паллоттино) автор высказывает едва ли справедливые сомнения в ономастическом характере формы *silqetena*. Во всяком случае, с титулом *zilc* оно вряд ли может как-то соотноситься уже потому, что этот титул никогда не пишется через *s*. Исходная форма здесь *silqete*, характерное этникон-образование на *-te* (ср. *tarchvetena* от *tarchvete* = лат. *Tarquiti*)¹⁷. При этом *silq-* помимо сомнительной параллели в *siluc-* на граффити из Вольсиний (SE, XXXV, p. 521, not. 7) перекликается и с лид. *Silukali-* «des *Silukas* (?)»¹⁸; последнее появляется в цепочке *Manelid Kumlilid Silukalid* «Манесово, сына Кумля, Силукова» на последней позиции, соответствующей позиции родового имени в этрусских развернутых ономастических формулах (показательно наличие этрусских параллелей к первым двум членам лидийской формулы: лид. *Mane-li* = этр. *manes, manesa*; лид. *Kumli-li* = этр. *cumlnai, cumlna* в Тарквиниях). Претензии имени на глубокую (праэтрусскую) древность косвенно подкреплялись бы тем, что один из старейших этрусских родов Спурина в римской надписи предстает лишь ветвью рода Силкетена.

Интересна и не несет в себе ничего неправдоподобного гипотеза о возможной связи внешнего вида тессеры, изображающей льва, с семантикой имени *agaz* («лев», «герой»?). Однако надо считаться со статусом формы *agaz* как локального варианта общэтрусского имени *aranth* (*-aranth*, лат. *Arruns,-ntis*), тем более что в VI—V вв. до н. э. в самой Этрурии известны лишь формы *aranth* (*aranth*); женский род *aranthia* (*aranthia*), и диалектный переход *th > z* (ср. поздние перузинские образования *arnzi, arnziu*) еще не засвидетельствован нигде, кроме этрускизованного Рима (здесь же зафиксирован вариант женского рода — *araziia*, TLE, 24). Исходить следует из древнейшего *aranth*, и поиски аналогий к отдельно взятому локально-римскому *agaz* в Передней Азии (каково, например, название Арцавы и т. д.) мы не считаем перспективными¹⁹.

Не кажется убедительной попытка автора (с. 97 сл.) рассматривать оборот *santi-c vinum* из текста Загребской пелены (X γ I, вариант *vinum santi*) как сочинительный со значением «*santi* и вино» (для *santi* допускается значение «вода»). Соединительная частица *-c* проникла в этрусский из индоевропейских языков (лат. *-que*, мик. греч. *-qe*, др. инд. *-sa*, лид. *-k*) вместе с правилом, по которому она ставится либо после обоих соединяемых слов (CIE, 511 *ara-c ati-c* «и отец, и мать»), либо после второго из них (TLE, 511 *clan puia-c* «сын и жена»). В *santi-c vinum* (ср. род падеж XI, 2 — *vinum santis-ts*) она явно присоединяет оба слова вместе к какому-то предшествующему слову в поврежденной части текста (конструкция типа лат. *vetus-que vinum*). Поэтому *santi* — определение при *vinum* и обозначать воду не может. Кстати, *vinum santi* появляется лишь в конце текста, тогда как в начале и в середине фигурирует *vinum husina* (III, 4; 20; VIII, 4; 5). Похоже, этрусский ритуал различает два вида или две функции сакрального вина.

Автор толкует выражение *tular rasnal* на пограничных камнях (*rasna* = *Ῥασέννα* — самоназвание этрусков по Dion. Hal., I, 30 и недавно найденной этрусско-греческой

¹⁶ О *clavus* «гвоздь» как (кельто-) италийской инновации см. Гиндин Л. А., Цым бурский В. Л. Рец. на кн.: Peruzzi E. *Musceneans in Early Latium*. Roma, 1980. — ВЯ 1984, № 1, с. 129.

¹⁷ *Rix H.* *Das etruskische Cognomen*. Wiesbaden, 1963, S. 234.

¹⁸ *Gusmani R.* *Lydische Wörterbuch*. Heidelberg, 1964, S. 196.

¹⁹ В Северо-Западной Анатолии интерес представляет бекриское имя *Ῥάρτιος* (*Detschew D.* *Die thrakische Sprachreste*. Wien, 1957), если оно не из кельтского. Но кельтские формы *Arantius, Arantillus* сами, скорее всего, итало-этрусского происхождения (ср. этр. *arnziu, arnzile* <*Arantiu, <*Arantile, лат. *Arruntius*).

«билингве из Дельф²⁰) как «границы государства» в отличие от *tular spural* «границы города» (с. 89). Это толкование кажется верным. Для уточнения семантики *gasna* существенна структура титула *zilath mechl gasnal*, где *zilath* (варианты *zilc*, *zil-*) — раннее заимствование, родственное хат. (*tittah*)-*zilat* «(большой) трон»²¹ и означающее «сидящего на троне», ср. позднее заимствование *δρόνα* < греч. *θρόνος* «трон», по Гесирию — *ἀρχὴ ὄπδ τῶν Τυρρηγῶν* «власть, должность у тирренов»²² (вероятно, калька с *zilath*). В одном месте (с. 92) автор пересказывает названный титул словами «претор объединения государств»; ср. у А. Пфиффига попытку реконструкции *mechl gasna* = лат. *res publica*²³; но чередование словосочетаний *mechl gasnal* ~ *mechl gasneas* наводит на мысль о *gasnea* как согласованном адъективе (при несогласованном определении *gasnal*, ср. *tular gasnal*, но с другой стороны, — склонение формулы, обозначающей некое публичное установление, в TLE, 570 a, 21 sq.: ... *tesne rasne cei tesns teis gasnes*) и о возможности вместо *mechl gasna восстановить исходную форму *mechl gasnal (= *mechl gasnea). Сам автор ниже (с. 112), опираясь на билингву из Пирги, вслед за А. И. Харсекиным принимает *mechl* = финик. *mlk* «царь»²⁴ и соответственно дает для *zilath mechl gasnal* перевод: «претор (собственно «сидящий на престоле». — В. Ц.) за правителя-царя государства» (ср. лат. *pro rege*); см. Dion. Hal., *ibid.*:... *σφᾶς αὐτοῦς ἐπὶ τὸν ἡγεμόνων τινός Ρασέονα τὸν αὐτὸν ἐκείνῳ τρόπον ὀνομάζουσι* «при некоем вожде Расеине называют себя подобно ему». Толкование *gasna* как обозначения «государства», т. е. исконно — множества людей, объединяемых в одно царство, и области, на которую распространяются царские полномочия, возвращает нас к известной этимологии слова как древнего восточноиндоевропейского (сатемного) заимствования в праэтрусский из **gēg(e)no-*²⁵; ср. др. инд. *gajā* «царь», род. падеж *gājnah*, лат. *gex* «царь», *regnum* «царство», фрак. *Ῥῆος* и т. д.

В главе III «Этруское общество и государство» автор в согласии с Г. Риксом и рядом других этрускологов говорит о существовании в Этрурии системы полисов, опирающейся на организации полноправных граждан в каждом из городов (с. 102 сл.). По мнению автора, эта система, во внешних атрибутах проникнутая пережитками архаических концепций царской власти, сложилась в ходе освоения этрусками италийских территорий как средство контроля над зависимым населением (с. 118 сл.). Для этрусских полисов характерны хозяйственная специализация (при огромной роли внешне-торговых связей, с одной стороны, и крупной земельной собственности — с другой), господство аристократических фамилий, растущее имущественное расслоение (с. 105 сл., 118—124)²⁶.

При изучении уклада этрусских 12-градий (для которых указываются точные типологические параллели в племенном и государственном устройстве многих народов Эгеиды и Передней Азии — с. 106—112) важным источником служит вергилиевское описание устройства Мантуи (Aen. X, 201 сл.), отражающее, по Сервию, территориальную структуру всего северного (паданского) 12-градия, разделенного на три большие территориально-племенные группы (*gens ... triplex*; по Сервию — трибы) по четыре племени в каждой (*populi ... quaterni*; сервиевские курии). Поскольку сама эта структура явно скопирована с основного 12-градия между Тибром и Арио (не случайно Сервий ссылается на 12-частное членение «всей Тусции»), допустимо думать, что и последнее, эксплицируя внутреннее членение этноса, могло представлять как бы проекцию на карту страны схемы идеального общэтруского поселения. Условный характер этой

²⁰ *Torelli M.* — In: *Progetto Etrusco. I.* Firenze, 1984, p. 70.

²¹ *Linderski J.* *Etruskische Etymologien zilath und purth.* — *Glotta*, 1962, 40 S. 150 f.

²² *Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, с. 191; см. также *Brandenstein W.* *Tyrrhener.* — In: *RE*, 1917: *gasena* = *publicum*, also «*staat*» (vielleicht «*Königreich*»).

²³ *Pfiffig A.-J.* *Die etruskische Sprache.* Graz, 1969, S. 295.

²⁴ *Харсекин А. И.* *Этр. mechl thuta* = оск. *meddiss tuvtiks.* — В кн.: *Этимология 1966.* М., 1968, с. 286.

²⁵ *Георгиев.* Ук. соч., с. 190 (ср. с 196 — о характере слова как явного заимствования).

²⁶ Некоторые положения книги получили детальное развитие в статье: *Немировский А. И., Цымбурский В. Л., Ф. Энгельс о римском роде и некоторые проблемы современной этрускологии.* — ВДИ, 1984, № 3, с. 3 сл.

структуры подтверждается и невозможностью уложить в 12-градную схему реальное число крупных городов Этрурии. Весьма правдоподобно выглядит принимаемая А. И. Немировским примерная карта полисных границ (с. 104), на которой некоторые из «городов» 12-градия включают по нескольку реальных городов. В частности, предварительные наблюдения автора рецензии над дистрибуцией этрусских родовых имен подтверждают возможность включения Кортоны, Клузия и Перузии в один полис (примечательно, что противопоставление межевых знаков *tular spural* и *tular gasnal* до сих пор засвидетельствовано лишь в окрестности Кортоны, где границы города могли реально не совпадать с рубежами трехчастного полиса). Не вполне ясно отношение к этому «полису» соседствовавших с Клузией Вольсиний, на территории которых обнаружено погребение человека, отправлявшего в Клузии функции правителя, см. TLE, 233: ...*teschlum gasneas clevsinsil zilachnve*. Указанная карта может быть, на наш взгляд, уточнена включением в земли 12-градия небольшого участка к северу от Арно с традиционно тирренской Пизой (ср. *Lycophr.*, 1359 sq.; *Dion. Hal.*, I, 20; *Serv.*, *Aen.* X, 179) и, по-видимому, Лукки, где новейшие открытия выявили мощный этрусский культурный слой²⁷. Думается, преобразование в I в. до н. э. 12-градия в «союз 15 городов» может быть связываемо не столько с приемом в союз новых городов-членов, ибо трудно представить причины территориального разрастания Этрурии, утратившей как политическую независимость, так и хозяйственную целостность (о чем говорит упадок мелиоративной системы), сколько с разложением старых полисов и выделением реальных городов в самостоятельные муниципальные единицы.

Глава IV «Этруски на морях» дополняет предыдущую картиной изменения «веса» Этрурии на протяжении VII—III вв. до н. э. в балае сил, борющихся за господство в западнотирренском бассейне. А. И. Немировский тонко обосновывает прямую связь явлений, часто представляющихся исследователям несовместимыми: заката этрусской государственной талассократии и одновременной неслыханной активизации этрусского пиратства в IV—III вв. до н. э. В последнем он вслед за Страбоном (V, 2, 2) усматривает признак политического (а в основе — хозяйственного) кризиса Этрурии, во многом обусловленного греческой блокадой побережья Тирренского моря в V—IV вв. до н. э.: когда этрусские государства перестают контролировать положение в этом бассейне, развязывается инициатива отдельных этрусков, снаряжающих на свой страх и риск пиратские корабли и разбойничающих в Адриатике, а иногда и в Эгейде. Надо отметить, что обрисованный автором процесс шел, по-видимому, в два этапа: сперва закрытие западнотирренских торговых путей переориентировало этрусскую торговлю на север, в Центральную и Юго-Восточную Европу, что в конечном счете увеличило влияние падающих городов²⁸; и уже в дальнейшем нашествие кельтов (в начале IV в. до н. э.), разорившее ряд этрусских центров и нанесшее сокрушительный удар по северной торговле этрусков, стимулировало преобразование адриатических портов в пиратские базы. В целом А. И. Немировский убедительно трактует историю этрусского мореплавания как важнейшую часть общей «истории величия и падения» торгово-аристократической полисной государственности этрусков.

Главу V «Этруская мифология и религия» характеризует стремление проследить в различных областях культуры и быта (от устройства агрия до узоров на зеркалах) преломление единой картины мира, находящей религиозно-мифологическое выражение в образе «мирового храма». Очень показателен в этом плане анализ люстры из Кортоны в форме спящего древесного ствола, заключающего в центре голову Горгоны — мотив подземного мира — с примыкающими парами пожирающих добычу хищных зверей (с. 175—180).

В замечаниях по поводу загадочного рассказа Псевдо-Аристотеля о городе Ойнарее в центре Тиррении, окружающем «великую гору», А. И. Немировский первым пришел к выводу об отражении в этрусской космологии мотива «мировой горы» (с. 135 сл., 173); отталкиваясь от этих наблюдений, автор рецензии с учетом всего контекста по-

²⁷ Материалы раскопок см.: *Progetto Etrusco...*, p. 161—165.

²⁸ *Szilagyi J.* Zur Frage des etruskischen Handels nach dem Norden. — *Acta antiqua*, 1952, I, S. 419 f. Однако надо иметь в виду, что торговые пути в иллирийский ареал к юго-востоку от Альп этруски проторили уже в VIII в. до н. э., наглухо закрыв сюда вплоть до V в. доступ конкурентам-грекам (см. *Stare F.* Etruscani in jugovzhodni predalpski prostor. Ljubljana, 1975, p. 83—86).

вестования о ежегодном воцарении рабов в названном городе под «великой горой» оценил данный эпизод как пересказ фундаментального мифа, моделирующего устройство космоса в пространстве и времени с использованием соответственно универсальных мифологем «мировой горы» и «золотой ветви»; употребление имени *lethe* в качестве обычной клички этрусского раба позволяет усмотреть отголосок того же мифа в ликофоновском образе великой горы Летеона (Alex. 699—703), которая, поднимаясь к небу над загробным миром, поит водами всю Италию ²⁹.]

В книге обстоятельно анализируется этрусская концепция времени, различающая «века» отдельных городов (отсчитываемые от основания города промежутки времени, за которые в нем полностью обновлялось население, — Cens. 16, 5) и определяемые по особым знакам «века» этрусского народа в целом (Cens. 17, 6; Plut., Sulla, 7, 6). Начало этрусского летосчисления приходится на первую половину X в. до н. э. (автор определяет его на основании свидетельств Цензорина — 968 г. до н. э., однако при этом неизвестная нам длина восьмого века приравнивается к сообщаемой Цензоринном для седьмого века длине в 119 лет; допущение, конечно, условное). А. И. Немировский сомневается в наличии за этой датой какой бы то ни было исторической реальности (с. 190). Мы же, с определенной осторожностью относясь к труднодоказуемой гипотезе о внезапном завоевательном появлении этрусков на италийской земле и, напротив, скорее склоняясь к мысли об их постепенной инфильтрации в вилланованский культурный ареал (что подтверждается и непрерывным существованием некоторых этрусских городов по крайней мере с IX в. до н. э. ³⁰), более серьезно относимся к этой мифологической датировке «начала» этрусского этноса.

У нас вызывает некоторые сомнения приурочение автором начала этрусского года к марту по римскому образцу (с. 185 сл.). Единственный дошедший этрусский календарь — «Бронтоскопический календарь» Нигидия Фигула в переводе Иоанна Лида — открывается июньским новолунием. Помимо мотивировки Лида, указывавшего на знак Рака как на «дом» Луны, по-видимому, надо иметь в виду и замечательную близость этой даты к времени летнего солнцестояния ³¹.

Через всю книгу проходит резкая и в основном справедливая полемика против любых попыток обеднить духовное содержание этрусского искусства и мифологии, представить их продуктами неразвитого общественного состояния, а то и прямой вульгаризацией греческих традиций. В полном согласии с подзаголовком в книге рисуется движение этрускологии от этрусского мифа к научной истории — к успешной интерпретации текстов, к углубленному решению вопросов этрусского этногенеза, к правильному пониманию места этого народа в типологии обществ древнего мира и в истории средиземноморских культур. Это подлинно проблемное исследование, не только отразившее перспективы современной этрускологии, но во многом определяющее их.

В. Л. Цымбурский

²⁹ Цымбурский В. Л. Итало-этрасский миф о великой горе по античным источникам. — ВДИ, 1984, № 3, с. 141 сл.

³⁰ Colonna G. Nome gentilizio è società. — SE, 1977, XLV, p. 180 sq.

³¹ А. И. Немировский в докладе о бронзовой печени из Пьянченцы, прочитанном на конференции в Институте славяноведения и балканистики АН СССР весной 1985 г., посвященной проблемам древнего погребального обряда, предложил поправку к своей реконструкции этрусских менонимов (реф. кн., с. 185), сближая название для «апреля» *Sabreas* (в латинской передаче) с этрусским именем бога Солнца *cathe*. При оценке этого сопоставления необходимо учитывать: 1) озвончение инлаутных глухих спирантов в латыни (ср. ит.-этр. *thefri*, *thefarie* ~ лат. *Tiberis*, *Tiberius*; впрочем, и в самом этрусском известны случаи спорадического озвончения придыхательных; ср. CIE, 2563—2564: *lautnida* = *lautnitha* «вольноотпущеница»); 2) переход инлаутного *-dr-* > *-br-* в латыни, ср. *ruber* < *rudhros, греч. *έρυθρος* и т. д.; из заимствований ср. греч. *χέλιδρος* «змея» ~ лат. *colubra*. Таким образом, сопоставление А. И. Немировского кажется очень удачным с формальной точки зрения, а также по ряду семантических соображений.